HAL
open science

Максим Горький и Жюль Валлес

Serge Rolet

To cite this version:

Serge Rolet. Максим Горький и Жюль Валлес. М. Горький и Россия, Mar 2012, Nijni-Novgorod, Russia. ⟨hal-01413877⟩

HAL Id: hal-01413877

https://hal.science/hal-01413877v1

Submitted on 11 Dec 2016

HAL is a multi-disciplinary open access archive for the deposit and dissemination of scientific research documents, whether they are published or not. The documents may come from teaching and research institutions in France or abroad, or from public or private research centers.

L'archive ouverte pluridisciplinaire **HAL**, est destinée au dépôt et à la diffusion de documents scientifiques de niveau recherche, publiés ou non, émanant des établissements d'enseignement et de recherche français ou étrangers, des laboratoires publics ou privés.

Серж Роле

Максим Горький и Жюль Валлес

Горьковские Чтения 2012,
Нижний Новгород, 2014, С. 133-150.

Если Горького можно сравнить хотя бы с одним из французских писателей, то это, конечно, с Жюлем Валлесом. Такую попытку сделал Эжен Мелькиор де Вогюэ еще в 1901 году, в первой научной статье, посвященной Горькому во французском толстом журнале. В этой обширной статье, опубликованной в «Обозрении двух миров», Вогюэ указывает лишь мимоходом на сходство молодого писателя с Валлесом и Бомарше[1]. По его мнению, в произведениях Горького чувствуется «первое волнение революционного духа»[2]. Но Вогюэ дает интерпретацию Горького, в основном, в русском контексте, особенно на фоне Л. Толстого, и не останавливается на сопоставлении его с французскими писателями.

Если иметь в виду не только творчество Горького ранних лет, которым интересовался Вогюэ, а более широкий период его творчества, сопоставление его с Валлесом становится еще более необходимым[3]. Однако можно предположить, что Валлес не имел на Горького значительного влияния, поскольку имя Валлеса у него упоминается редко, хотя первый перевод отрывка *Баккалавра* на русский язык вышел в свет еще в 1883 году[4]. Горький, конечно, знал, что во время Второй империи во Франции существовал некий Жюль Валлес, одна из видных фигур Парижской Коммуны, журналист, автор автобиографических романов, но о нем именно как о писателе он вряд ли имел точное представление[5]. Самый известный валлесовский роман *Ребенок* был переведен на русский язык без сокращений только в 1936 г[6].

Одним из первых откликов на общественную и литературную деятельность Жюля Валлеса в русской критике является статья А. Луначарского 1913 года «Жюль Валлес и жанделетры». В ней Луначарский сетует на заслуживающее сожаления желание французского общества литераторов противостоять предложению почитателей писателя воздвигнуть ему памятник в его родном городе Пюи под тем предлогом, что

---

[1] Voguë. Eugène Melchior de. Maxime Gorky. L'homme et l'œuvre // Revue des deux mondes. Париж. Август 1901. Том 4. N° 8. С. 672 : « Par le choix des sujets, par la manière dont il les traite, Gorky rappelle souvent notre Jules Vallès et ses *Réfractaires*. »

[2] « Il a quelque chose de touchant, ce premier émoi de l'esprit révolutionnaire. » (Ук. соч., С. 686). См. также: Bonamour Jean. Eugène-Melchior de Vogüé et l'accueil de Gor'kij en France, 1900-1905 // Cahiers du monde russe et soviétique. Том 29. N°1. Париж. Январь-март 1988. С.13-23.

[3] См. Никё Мишель. Введение к переводу на фр. язык Изложения фактов и дум, от взаимодействия которых отсохли лучшие куски моего сердца (Maxime Gorki. Veilleur de nuit et autres récits autobiographiques, traduit du russe, présenté et annoté par Michel Niqueux). Париж: Mercure de France, 2009. С. 16.

[4] См. Жюль Валлес // Брокгауз Ф. А. и Эфрон И. А. Энциклопедический словарь. Т. 5. СПб.: 1891. С. 427-428. Советская Литературная энциклопедия указывает на 1913 г как на дату издания первого перевода *Баккалавра*.

[5] Имя Валлеса упоминается у Горького всего один раз, в начале 30-х годов. См.: Архив Горького. Том 10, кн.1. М. 1964. С. 84.

[6] Валлес. Жюль. Детство. Пер. с фр. П. С. Нейман. Детство*. М.-Л. : Academia, 1936. См. также: Валлес Жюль. Жак Вэнтра. Роман. Сокращенный перевод с фр. П. С. Нейман. Ред. и вступ. статья «Писатель-коммунар» Б. В. Гим[м]ельфарба. М.-Л.: Молодая гвардия, 1930.

* Название романа « L'enfant » переводилось по-разному: «Детство», «Дитя», «Ребенок».

он был приговорен к смертной казни за участие в Парижской Коммуне и поэтому был исключен из общества жанделетров. Луначарский пишет: «Родившийся в рабочей семье, в глухом городке Пюи, домики которого разбросаны среди причудливо застывшего, полного какой-то свирепой энергии хаоса лавы, Жюль Валлес пробился в ряды интеллигенции. Чрезвычайно даровитый, наблюдательный, полный юмора, трудоспособный, но не способный к низкопоклонству, резкий в выражениях и живописно демократичный во всей повадке, – Жюль Валлес никогда не смог выкарабкаться со дна интеллигенции, из положения часто голодного интеллигентного пролетария »[7].

Тут несколько неточностей. Во-первых, Валлес не родился в рабочей семье. Его отец, бывший семинарист, правда, несколько лет занимал незавидное место наставника в коллеже Пюи, но он вскоре выдержал agrégation, конкурс на место преподавателя грамматики древних языков. Успех на этом конкурсе значительно изменил образ жизни семьи. Жан-Луи Валлес стал зарабатывать приличные деньги, в доме появилась прислуга, молодого преподавателя, как члена элиты системы просвещения (звание agrégé имел один из десяти преподавателей средней школы), стали приглашать к себе важные люди.

В детстве Валлес страдал не от бедности, он страдал от того, что его мать была жадной и жестоко била его. «Мама говорит, что не следует баловать детей, а потому сечет меня розгами каждый день. Если ей некогда утром, то в полдень, редко после четырех часов дня»[8].

Современный исследователь Франсуа Маротен считает, что « не стоило бы в любом случае острое испытание бедностью считать причиной того революционного энтузиазма, который овладел юным Валлесом в 1848 году »[9].

Во-вторых, Пюи нельзя считать глухим городком. Сам Валлес изображает его совсем не так. В детстве он даже предпочитал его Сент-Этьену. Впрочем, он был еще ребенком, когда его семья переехала туда, а затем в Нант, куда отец получил новое назначение. А взрослый Жюль Валлес принадлежал к среде литературной богемы Латинского квартала, где бедность воспринималась как нечто обязательное и драгоценное[10]. Валлес желал разделять судьбу рабочих печати, среди которых он работал в редакциях столичных республиканских листков. По поводу того, что Валлес хотел стать рабочим, Франсуа Маротен пишет: «Его разубедил в этом старый рабочий… "Жизнь рабочего заканчивается нищетой". По его совету он принимает решение облачиться в скромный редингот интеллектуала, но оставаясь среди них, он решает защищать людей в блузах – рабочих »[11]. Кроме того, выражение «интеллигентный пролетариат» несколько обманчиво. Валлес надеялся иметь успех, он не поклонялся бедности. Ему ничего не стоило бы сотрудничать в газетах, обеспечивающих ему хороший гонорар, но он не желал продавать свой талант и готовился жить в бедности; это был путь, на который он встал добровольно[12].

---

[7] Луначарский Анатолий. Жюль Валлес и жанделетры // Киевская мысль. 1913. № 248. 8 сентября.

[8] Валлес, Жюль. Детство. Ук. соч. С. 11. « Ma mère dit qu'il ne faut pas gâter les enfants, et elle me fouette tous les matins ; quand elle n'a pas le temps le matin, c'est pour midi, rarement plus tard que quatre heures. » (Vallès Jules. Jacques Vingtras 1. L'enfant. Édition de Denis Labouret. Париж : Gallimard (Folio n° 3397), 2000. C. 35.

[9] Marotin François. Les années de formation de Jules Vallès (1845-1867) Histoire d'une génération (Жюль Валес и литературная богема // Годы учебы Жюля Валлеса. История одного поколения). Préface de Roger Bellet. Париж: L'Harmattan, 1997. C. 125.

[10] О литературной богеме «левого берега» см.: Marotin François. Ук. соч. С. 123-145. См. также: Bourdieu Pierre. *Les règles de l'art.* Париж: Seuil, 1992. C. 84-88.

[11] Marotin François. Ук. соч. С. 125.

[12] См: Marotin. François. Ук. соч. С. 124. « [Au sein de la bohême des années 50,] Vallès […] établit une

В советской России Валлес был довольно известным, а между тем информация о нем оставалась поверхностной и в некоторой мере предвзятой. Его имя упоминалось в ряде энциклопедий, учебников, историй литературы, чаще всего вместе с именами таких революционных авторов, как Эжен Потье или Жан-Батист Клеман. В подобных трудах, написанных в русле того, что Ю. М. Лотман называет «культурой, направленной на выражение», сказывается, конечно, и обычная условность марксистко-ленинского подхода к культурным явлениям. Акцент делается скорее на социально-политическую настроенность писателей, чем на их художественные позиции[13]. А если имелся в виду революционный писатель, то существовала тенденция видеть в нем «пролетария» или, по крайней мере, сына пролетария. Создается довольно упрощенное впечатление общности между всеми радикальными писателями и деятелями культуры эпохи Наполеона III. В такой обстановке Валлес мало отличается от других интеллигентов-коммунаров, его талант теряет бóльшую часть своего своеобразия.

В Литературной Энциклопедии мы можем прочитать следующее: «Все им написанное – автобиографично. И его Жак Вэнтра и другие его «отщепенцы» – интеллигенты, вышедшие из крестьянства или же выросшие в семьях мелких ремесленников, несмотря на свой бродячий образ жизни, еще крепко связаны с землей.

[…] Социальная природа Валлеса выразилась в его художественной манере. Язык Валлеса обилен народными оборотами, но не лишен подчас и изысканности, даже вычурности сравнений и метафор – привкус недостаточно ассимилированной городской культуры и школьной риторики»[14]. Эта характеристика интересна именно своим несоответствием тому, что мы знаем о писателе. В ней, в действительности, социально-интеллектуальный портрет Валлеса складывается под воздействием биографии М. Горького. Откуда, если не от него, эти «ремесленники», это уподобление парижской богемы бродячей босяцкой жизни? О раннем Валлесе рассказывается по образцу внука кожевникова, босяка Алексея Пешкова. А писателю Валлесу присваивается стиль начинающего писателя Максима Горького или, по крайней мере, стиль Валлеса понимается с точки зрения того, как понималось пристрастие раннего Горького к излишними эффектам ритмической прозы. Слабость манеры, на которую, по словам Горького, ему указал, например, Короленко, объясняется отсутствием у него тогда культурного капитала, необходимого для выработки трезвого, сжатого стиля. Валлес же, напротив, владел в совершенстве всеми орудиями классической риторики: будучи еще ребенком, он отличался редкими способностями , по словам его учителей, сочинять стихи на греческом и латинском языках. Можно, конечно, спорить о достоинствах его стиля, но если в этой области у него есть слабости, то совершенно неубедительно приписывать эти погрешности какой бы то ни было «недостаточно ассимилированной городской культуре». Получается любопытный феномен: фигура Горького была настолько мощной, что она моделировала восприятие других писателей, включая тех, которые принадлежали к иным литературным полям, и даже к более ранним периодам. А сами эти писатели становились как будто уже другими, новыми,

---

distinction entre les « vendus » et les « révoltés ».

[13] Лотман Ю. М. О семиотическом механизме культуры // Уч. Зап. Тартуского Гос. Ун-та. Вып. 284, переизд.: Лотман Ю. М. Избранные статьи, Таллинн: 1993. Т. 3. С. 332-333. Впрочем, типичное для культур, направленных на выражение, тяготение книги к хрестоматийному типу текста наблюдается и в работах, посвященных Валлесу до советского времени. Свидетельство к этому, например, книга Николая Русанова (Н. Кудрина) . Социалисты Запада и России: Фурье, Маркс, Енгельс, Лассаль, Жюль Валлэс, Виллям Моррис, Чернышевский, Лавров, Михайловский. СПб.: тип. Михайла Стасюлевича, 1908.

[14] Жюль Валлес // Литературная энциклопедия в 11 т. М.: 1929-1939. Т. 2, 1929. С. 85-86.

не полностью похожими на самих себя. Иными словами, Горький порождает, заново создает Валлеса, своего предшественника.

Из литературы о Валлесе на французском языке в русской критике цитируется, как правило, статья Жана Ришпена 80-х годов XIX века, в которой критик выражает и восхищение романами писателя и несогласие с идеями, которые тот высказывает в них[15]. Здесь можно отметить очень интересный факт: в России имя Ришпена связано с Горьким. Действительно, уже в 1898 году критик И. Игнатов выпустил статью «Философия босячества», которая имела тогда большой резонанс[16]. Возможно, что русский читатель воспринимал работу Ришпена о Валлесе на фоне сопоставления его с Горьким, и понимал Валлеса с точки зрения привычного (и в то же время необоснованного) представления о Горьком, что, конечно, помогало сделать его похожим на босяка, на «пролетария».

Нельзя отрицать, что это не совсем оправданное сближение Горького с Валлесом опирается на несомненные реальные аналогии между ними. Кроме их оппозиционной направленности можно назвать:

–важную роль обоих писателей в периодической печати своего времени;

–факт, что оба они являются авторами автобиографической трилогии (а сама тематика этих книг имеет очень много общего);

–ссылку. Валлес был вынужден бежать в Бельгию, а затем жил несколько лет в Англии (о том, что Горький долго жил за границей по политическим причинам не нужно здесь распространяться);

–и, наконец, общую их репутацию ангажированных писателей, чьи политические убеждения выражаются так открыто, что от этого якобы страдают художественные достоинства их произведений.

О Горьком так думали в символистских кругах и в русской эмиграции. Что касается Валлеса, то Дени Лабуре напоминает, что «еще совсем недавно *Ребёнок* считался второстепенным произведением. Жюль Валлес был прежде всего коммунаром и яро ангажированным идеологически. Поэтому интерпретация его произведений была обусловлена именно этим образом как у его поклонников, читавших его из политических симпатий, так и у его хулителей, которые исключали его из общепризнанного литературного поля»[17]. Действительно, долгое время Валлес издавался больше всего у Объединенных Издателей Франции, которые были очень близки к Коммунистической Партии Франции[18]. Автором предисловия к третьему тому первого издания полного собрания сочинений Валлеса является Марсель Кашен, один из самых крупных руководителей этой партии, директор газеты «Юманите».

Следовательно, перед нами, с одной стороны, Горький, в произведениях которого Мережковский видел «кусок жизни, оторванный с мясом и кровью», то есть чистый документ, лишенный всякой художественной ценности, а с другой стороны, Валлес, «Ребёнок» которого, по словам Лабуре, «якобы является прежде всего свидетельством или документом, отличающимся прямой и непосредственной, “простой” формой выражения. Прозрачный без особой насыщенности текст: “Ребёнок” блекнет перед

---

[15] Richepin Jean. Jules Vallès: les étapes d'un réfractaire. Париж: Albert Lacroix & Louis-Hippolyte Verboeckhoven, 1872.

[16] Игнатов Илья. «Философия босячества (у Ришпена и Горького)» // Русские ведомости. 1898. № 170. Переизд. в: Максим Горький: Pro et Contra, СПб.: 1997. С. 315-324.

[17] Labouret Denis. Préface // L’enfant. Ук. соч. С. 5

[18] «Объединенных издателей Франции» («Éditeurs français réunis») не следует путать с эмигрантскими «Объединенными издателями» («Éditeurs réunis»).

ребёнком»[19].

Кроме того, обоих писателей сближает их отношение к книжной культуре, к преувеличенному почтению многих интеллигентов к великим фигурам прошлого. Валлес и Горький не разделяли мнения о том, что будто бы существуют «необходимые слова, без чего невозможно жить» [20]. У них, неутомимых писателей, отчаянных издателей и организаторов печати, наблюдается кажущееся, на первый взгляд, парадоксальным недоверие к книге вообще. У Валлеса это недоверие доходит до того, что, как пишет Д. Лабуре, «в основе и в перспективе валлесовской критики, любого особого критического суждения лежит радикальная общая критика литературы как таковой» [21].

В отличие от большинства ангажированных представителей цеха литературы, Валлес и Горький уже с ранних лет были внимательны к пагубной оторванности печатного слова от жизни. Они усматривали в культе наследия нечто противостоящее эмансипации: в их глазах наследие чревато не одними освобождающими силами, но и утруждающими элементами, своего рода насилием и жестокостью.

Валлес и Горький имели разное социальное происхождение, и это не могло не сказываться на их формировании. Для Валлеса, сына преподавателя грамматики древних языков, наследие связывалось прежде всего с такими именами, как Перикл, Цицерон или Демосфен, с которыми он был знаком со школьных лет, тогда как для Горького это были отцы позднего народничества, и вместе с ними великие люди эпохи французской революции, основоположники политэкономии и, конечно, авторы социалистических доктрин XIX века, о которых он слышал от студентов у казанского булочника Деренкова и от учителей подпольных курсов, куда они его направляли.

Писателей роднит также понимание более или менее стерильного давления наследия. В глазах Валлеса, в тяжелых усилиях учащихся, необходимых для усвоения памятников культуры, есть огромная доля самобичевания, а в поведении преподавателей, в принципе проникнувшихся человеколюбивой мудростью, скрывается отсутствие внимания к ученикам и даже жестокость в отношениях с ними. В «Ребенке» автобиографический герой валлесовской трилогии Жак Вентра называет себя «сыном каторжника, или еще хуже, тюремщика»[22]. Он видел, как отец, ведя нищенскую жизнь школьного наставника, долго и трудно готовился к конкурсу на звание преподавателя средней школы. А за успех на конкурсе отец поплатился искажением личности: он превратился в угодливого поклонника начальства, в жалкое орудие той бесплодно суровой системы образования, от которой он сам страдал. Каторжник и тюремщик одновременно, отец является примером того, что в одном из памфлетов Валлес называет «жертвой книги».

Согласно Д. Лабуре, «книга первоначально была воспринята Валлесом как сила, лишающая независимости: она оказывает такое влияние и имеет такой авторитет, которые посягают на свободу субъекта»[23]. Книжная культура не дает силу и

---

[19] Labouret Denis. Ук. соч. С. 7.

[20] См. Горький Максим. Мои университеты: «Николаю очень нравилось учить меня, и он пользовался каждым удобным случаем, чтобы втиснуть в мой мозг что-нибудь необходимое, без чего невозможно жить. Я слушал его жадно, затем Фукс, Ларошфуко и Ларошжаклен сливались у меня в одно лицо, и я не мог вспомнить, кто кому отрубил голову: Лавуазье – Дюмурье, или – наоборот?» (Полн. собр. соч. М. Т. 16. 1973. С. 11).

[21] Лабуре Дени. Préface // Vallès Jules. Les victimes du livre [Жертвы книги] : écrits sur la littérature. Articles réunis et présentés par Denis Labouret. Jaignes (Seine et Marne) : La Chasse au Snark, 2001, C. 8.

[22] Vallès Jules. Jacques Vingtras 1. L'enfant. Ук. соч. С. 61. Пер. с фр. С. 40.

[23] Labouret Denis. Préface // Les victimes du livre. Ук. соч. С. 8.

независимость, а только конформизм и слабоволие, она не ведет к гармоничному развитию личности. Ф. Маротен напоминает, что в романе «Ребенок», [...] Жак Вентра в то утро, когда он участвовал в конкурсе на лучшую работу по литературе, организованном Министерством образования, встречает жалкого человека, который олицетворяет судьбу баккалавра и который оказывается классным надзирателем, впавшим в нищету после потери места работы». Жак делает вывод, что необходимо кончать с баккалавриатом по филологии, задуманным как «обязательный проход», без которого невозможно общественное признание[24]. Жалки и смешны не только люди, которых Школа отвергает, но и те, которых она признает, как Белибен, преподаватель философии:

> Преподаватель философии – г. Белибен, маленький тщедушный человечек с головой в кулак, тремя волосинками на голове и кисленьким голоском. Он любил доказывать существование Бога, но если кто-нибудь при этом вставлял свой аргумент – пусть даже говорящий в его пользу – он сердился и заявлял, что ему мешают: причем для него нужно освободить весь стол, как для гадания на картах. Он доказывал сущесвование Бога при помощи кусочков дерева и фасоли.[25]

Получив степень баккалавра, Жак становится на совершенно другой путь – на путь бунта против системы классического образования. Валлес порывает с просветительскими концепциями многих республиканцев, основанными на подражании великим мужам античности. Он решительно отвергает аскетический идеал республики. Его герой становится «инсургентом» или «отщепенцем» не только в политическом, но и в культурном, интеллектуальном смысле.

В «Ребенке» Валлес с иронией рассказывает о полном отсутствии интереса к обучению в королевских коллежах :

> Я сижу за столом перед раскрытыми книгами, и делаю вид, что читаю их, в то время как сам витаю в мечтах, о которых никто ничего и не подозревает. […] Мне не приходится много работать для школы: я большею частью бываю первым учеником, и мне достаточно шелестеть листами словаря, чтобы отец думал, что я отыскиваю слова, между тем, как на самом деле я предаюсь воспоминаниями о Фарейроле, о Пюи, о Сент-Этьене...
>
> Мне доставляет какое-то странное наслаждение заглядывать в это прошлое.
>
> Когда нам задают в школе описать какой-нибудь пейзаж в форме рассказа, я вкладываю мои воспоминания.
>
> — Вы представили на этой неделе плохие работы – говорит мне преподаватель, не найдя в них ничего из Виргилия и из Горация, если то были стихи, ни отрывков из Цицерона, если это была латынь, ни Тома ни Мармонтеля, если сочинение было написано на французском языке.
>
> […] По мере того, как я делаюсь старше, я забываю древних. Я больше думаю о том, что будет со мной, чем о том, что стало с каким-то римским императором.
>
> […] Недавно нам дали тему: « Фемистокл обращается с речью к грекам ». Я ничего не мог придумать, абсолютно ничего!
>
> — Не правда ли прекрасная тема, – сказал учитель, облизывая желтым языком грязные губы. Действительно, прекрасная и, конечно, подобные темы не задают в обыкновенных школах, а только в королевских коллежах, и лишь в том случае, когда имеются такие ученики, как я.
>
> Но что я все-таки скажу?
>
> — Поставьте себя на место Фемистокла.
>
> Они постоянно твердят мне, что нужно вообразить себя тем-то и тем-то – Зопиром с отрезанной ногой, Сцеволлой с сожженными кулаками. Но ведь это все полководцы, короли, королевы! А мне четырнадцать лет, и я не знаю, какие слова должно вложить в уста Ганнибала, Каракаллы или Манлия – решительно не знаю.[26]

Специфичность каждого из двух писателей не должна скрывать, что между

---

[24] Marotin François. Les années de formation de Jules Vallès. Ук. соч. С. 56-57.
[25] Vallès Jules. L'enfant. Ук. соч. С. 63. Пер. с фр. (ук. соч.). С. 43.
[26] Там же. С. 267-288. Пер. с фр. (ук. соч.). С. 277-302.

«Ребенком» и «Баккалавром» Валлеса, с одной стороны, и «Моими университетами» Горького, с другой, есть глубокие созвучия. Смелости и свободы можно добится не в стенах школы, а в открытом пространстве, там, где яркие впечатления от неожиданных столкновений с жизнью не ослаблены готовыми сентенциями классиков. Как у Валлеса, так и у Горького, учебные занятия наводят прежде всего скуку, которой противостоит интерес, вызванный настоящей жизнью.

В «Ребенке» всречаются такие места:

> Из кабачков постоянно раздавался шум ссор и несло вином, которое ударяло мне в голову, возбуждало мои нервы, делало меня веселее и сильнее.
>
> Одна за другой вылетали пробки, звучал смех, бутылки чокались брюшками, зажатые между пальцами кабатчика. Лучи солнца золотили стаканы, зажигали блеском пуговицу на чьем-нибудь пиджаке, обжигали жужжащих в углу мух. Кабачок кричал, благоухал, распространял зловоние, дымился и гудел.
>
> А в двух шагах от него дремал коллеж, покрываясь плесенью, излучая скуку, воняя чернилами. И всякий, кто входил туда и выходил оттуда, гасил свой взгляд, понижал голос; шли на цыпочках, чтобы не нарушить дисциплины, не вспугнуть молчания, не помешать занятиям.
>
> Какой ветощью несло от всего этого![27]

В начале «Моих университетов» находится аналогичный пассаж, в котором скучный учитель напоминает валлесовских «жертв книги»:

.[28]

Ригористичная школьная дисциплина делает невозможными самые простые удовольствия. Книжная культура сковывает естественные, непосредственные порывы. В «Жертвах книги» Валлес, порицая, восклицает: «Ни одно из наших чувств не является настоящим. Радость, горе, любовь, месть, слезы, смех, страсти, преступления – все это есть только подделка, все это!»[29] Это значит, объясняет Д. Лабуре, что «читатель, приспосабливаясь, неизбежно соглашается с моделями, которые навязываются ему текстом: Книга заставляет лгать, ухудшает личность, деформирует чувства»[30]. Отвергаются тут не только слишком жесткие условия передачи наследия молодому поколению, но и само наследие, «Книга», культура.

В более спокойном тоне ранний Горький выражает близкую идею. В 1895 году он пишет Борису Беру:

> […] меня утомляет жизнь среди господ, которые думают, точно дрова колют, стараются спрятать свое, часто оригинальное, – « я » – где-то у себя в пятках, среди господ, у которых нет своих слов и мыслей, таких, которые, зарядив себя раз на всю жизнь чужим порохом, – от времени все более теряют свою силу – скоро исчерпаемы и затем уже невыносимо скучны.
>
> Человек крайностей, я принимаю культуру, если она вполне закончена, если она блестит всюду – даже в ногтях, и я отрицаю ее, если чувствую в ней несовершенство деталей, диссонанс. Сам я никак не могу и никогда не буду вполне культурен, и даже не хочу пробовать быть таким, ибо зачем портить себя? Зачем изображать из себя карикатуру?![31].

На умные речи интеллигентов знаменитые босяки по существу возражают, что подлинное чувство дороже, мощнее и ярче всякого книжного знания. Можно согласиться, что босяцкие рассказы воспринимаются вообще в ницшеанском ключе, но в них и, впрочем, в некоторых других ранних произведениях Горького можно уловить и определенные созвучия с Валлесом. Главным мотивом «Вареньки Олесовой»

---

[27] Vallès Jules. L'enfant. Ук. соч. С. 58-59. Пер. с фр. (ук. соч.). С. 37-38.
[28] Горький Максим. Мои университеты. Ук. соч. С. 25-26.
[29] Labouret Denis. Préface // Les victimes du livre. Ук. соч. С. 12.
[30] Лабуре Дени. Préface. Ук. соч. С. 9.
[31] Письмо М. Горького Б. В. Беру. Январь 1895 // Горький М. Письма в 24 томах. Т. 1. М.: Наука, 1997. С. 73-74.

является именно столкновение чопорного холостого приват-доцента Полканова, олицетворения книжности, с необразованной Варенькой, обольстительным воплощением подлинного непосредственного чувства. Так ее и представляет сестра ученого: «Здесь она всех победила. Но какой же это урод с духовной стороны!»[32] Хотя Иванов-Разумник считал, что «к приват-доценту из “Вареньки Олесовой” Горький относится довольно сочувственно », остается очевидным, что коллизия его с « уродом » приводит к его полному разгрому[33]. Полканов «всё лежал вверх лицом, неподвижный, раздавленный своим позором, и, полный инстинктивного стремления спрятаться от стыда, жался к земле[34]». Разгромила его не Варенька, а долгое приспособление к фальшивой морали культурных кабинетных людей: доцент «зарядил себя раз на всю жизнь чужим порохом ».

Подобно молодому Жаку Вентра, « самородок » Максимыч из «Моих университетов» по-своему испытывал давление книжного, школьного знания. Он, конечно, не имел доступа к Виргилию и Тациту, но так же, как « ребенок », на подпольных курсах он немедленно открыл тщетность доброй доли учений, « без чего невозможно жить ». К своему большому удивлению, он констатировал несостоятельность абстрактных систем, в которых оппозиционная молодежь надеялась найти ключ к понимания законов общества и путь к эмансипации.

Даже понятие «народа», святая святых оппозиционной молодежи, кажется Максимычу вполне искусственным.

> [А] тут говорили именно о единосущном народе и ставили себя куда-то ниже его, в зависимость от его воли. Мне же казалось, что именно эти люди воплощают в себе красоту и силу мысли, в них сосредоточена и горит добрая, человеколюбивая воля к жизни, к свободе строительства ее по каким-то новым канонам человеколюбия. Именно человеколюбия не наблюдал я в человечках, среди которых жил до той поры, а здесь оно звучало в каждом слове, горело в каждом взгляде.

В течение некоторого времени, Максимыч поддается скучному, утруждающему эксперименту обучения. С первых дней в отличие от Жака Вентра он не сомневается в том, что именно из образованности вытекают гуманность и эмансипация. Но в конце концов самородок приходит примерно к тому же обескураживающему заключению, что и отличник королевского коллежа: книжность свободе не благоприятствует. Человеколюбие образованных людей – это только пустой дискурс, под личиной которого скрываются презрение, желание властвовать над «ближним». По опыту «человечки» это прекрасно знают.

> Спокойные рассказы «экономки» [дома терпимости] и злые жалобы девушек на студентов, чиновников, и вообще на «чистую публику», вызывали в товарищах моих не только отвращение и вражду, но почти радость, она выражалась словами: — Значит, образованные-то хуже нас! Мне тяжело и горько было слышать эти слова.[37]

Максимыч замечает, что его товарищи по подпольному кружку не заботятся о нем, когда он, работая по двенадцать часов в день, больше не может приходить к ним и не имеет времени заниматься. «Стена забвения», которая отделяет его от них, заставляет его понять, что для пролетария, как он, учеба останется недостижимой мечтой. Студенты, каким бы человеколюбием они ни были исполнены,

---

[32] Горький Максим. Варенька Олесова // Полн. собр. соч. М. Т. 3, 1969, С. 65.
[33] Иванов-Разумник. Отношение Максима Горького к современной культуре и интеллигенции (1900) // Горький и русская журналистика начала XX века. Неизданная переписка. Литературное наследство. Том 95. М.: Наука, 1988. С. 736.
[34] Горький Максим. Варенька Олесова, Ук. соч. С. 152.
[35] Горький Максим. Мои Университеты. Ук. соч. С. 25.
[36] Там же. С. 35.
[37] Там же. С. 39.

удовлетворяются этой ситуацией, они делают вид, что ее нет, тем самым укрепляя ее. «Воля к свободе строительства жизни» является сугубо эгоистичной: они строят свою личную жизнь, щеголяя сопротивленческими замашками. Ожидать эмансипации от Книги, от наследия, от высшей культуры оказывается наивным. Нужно строить жизнь как-нибудь по-другому.

У Валлеса Книга порабощает самих читателей, в первую очередь, учеников элитных школ, а у Горького она способствует господству образованных людей над «Яковом, Осипом и Григорием» и ненависти интеллигентов одного к другому. Примером этого в «Моих университетах» является ожесточенный спор между толстовцем, и «изящным попиком, магистром богословия», который кончается так: «Истина – это любовь, – восклицал толстовец, а глаза его сверкали ненавистью и презрением»[38].

Книжному знанию оба писателя предпочитают тяжелый, но куда более богатый трудовой опыт и непосредственное наблюдение окружающего мира.

[38] Там же. С. 74-75.